T 15/168

J 75
168

КАЗАЧІЙ ОФИЦЕРЪ И ЕГО БЫТЪ.

И. Яицкова.

Г. ЛЮБЛИНЪ.
Типографія А. Роздобы, Королевская улица, № 204.
1882.

КАЗАЧІЙ ОФИЦЕРЪ И ЕГО БЫТЪ.

И. Яицкова.

Г. ЛЮБЛИНЪ.
Типографія А. Роздобы, Королевская улица, № 204.
1882.

Дозволено Цензурою.
4 Апрѣля 1882 г. С. Петербургъ.

КАЗАЧІЙ ОФИЦЕРЪ И ЕГО БЫТЪ.

Прежняя эпоха.

I.

Набрасывая картину современнаго быта нашего донскаго офицера, нелишнее взглянуть хотя мелькомъ въ его недальнее—эпоху Кавказской войны; посмотримъ—каковъ онъ былъ тогда, а потомъ уже перейдемъ и къ его настоящему. Слѣдовательно, проведемъ какъ-бы двѣ бытовыя параллели, сравнивая которыя, легче увидимъ переломъ быта и положенія нашихъ донскихъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самые переходные моменты, имѣвшіе громадное вліяніе на измѣненіе быта.

Кавказскія войны, длившіяся полвѣка за упроченіе границъ нашей державы на югѣ, давали еще сильный роздыхъ казачей удали. Тогда у казаковъ и было:—съ войны, да на войну. И они сочувствовали ей полною своею страстію, которую переливали въ нихъ кровь и молоко матерей: война

увѣнчивала казака доблестью, его домъ поощряла наживой. Онъ еще въ колыбели зналъ о своемъ назначеніи. Няня старушка, родная бабка, старый дѣдъ—впечатлительный умъ и горячую голову ребенка развлекали чудными разсказами о битвахъ, отвагѣ, добычѣ и славѣ. Бранные замыслы впивались въ душу дитяти и разжигали въ немъ боевыя наклонности. Подросталъ онъ и готовился.... къ войнѣ. Выхаливалъ и выѣзживалъ коня; готовилъ острую шашку, меткій дротъ, (*) а себя изловчалъ въ отважномъ наѣздничествѣ. Прекраснымъ именемъ казака возвеличивало то, когда онъ былъ въ службѣ лихимъ, бравымъ, не щадилъ буйной головы своей, леталъ на неутомимомъ конѣ: выше ничто не цѣнилось. Вьюкомъ были—переметныя сумы, обмундированіемъ— сѣрая шинель и чекмень изъ домашнихъ шерстяныхъ прядевъ. Постоянная походная, боевая жизнь отъ него не требовала ничего болѣе. Она требовала отъ него только безотчетной отваги, отваги до безумія. И она воплощалась въ немъ, во всемъ его существѣ. Офицеръ, какъ начальникъ, долженъ былъ превосходить въ томъ своихъ подчиненныхъ, но онъ не отличался отъ нихъ, какъ во внѣшности, взглядахъ, такъ и въ умственномъ развитіи. Онъ былъ простякъ, но безшабашность и отчаянная смѣлость выдвигали его изъ сотоварищей—казаковъ. Строевое образованіе не требовалось, какъ нынѣ. На службѣ офицеры вели себя очень незатѣйливо. Живя,

(*) Пику.

гдѣ нибудь, на посту или кардонѣ съ командою односумовъ, они дѣлали съ ними общій столъ и одну чару хмѣльнаго вина. Тоже было и въ походахъ. Такіе субъекты были не такъ давно; можетъ и теперь попадаются въ полкахъ, но какъ отживающая свое прошлое рѣдкость. Мы не касаемъ получившихъ образованіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ полевой службы, какъ ее называли, офицеръ возвращался къ домашнему очагу, въ привольную станицу или въ раздольный хуторокъ, гдѣ его мать, отецъ, дѣдъ и жена съ дѣтьми встрѣчали пышно, разгуломъ, какъ дорогаго гостя, въ праотческомъ домѣ, домѣ, какъ полная чаша. У нихъ было и много хлѣба, и скота, и овецъ, и табуны ретивыхъ коней, и привольныя степи. Воинъ обдаривалъ родню подарками, скидалъ съ себя доспѣхи, развѣшивалъ ихъ по стѣнамъ, а дешевые чекмени пряталъ въ сундукъ и надѣвалъ ихъ въ годовые праздники—Свѣтлаго дня, Рождества Христова, идя въ храмъ помолиться Богу. Затѣмъ клалъ ихъ подъ спудъ и такъ сохранялись они до будущаго новаго выхода. Самъ одѣвался въ черкесиновую куртку и принимался за хозяйство, исконное ремесло предковъ, къ которому привыкъ онъ и самъ съ дѣтства. Въ этомъ отношеніи прежній простой казачій офицеръ выше современнаго.

Черезъ годъ, два—походъ и онъ съ веселымъ духомъ осѣдлывалъ искроглазаго, наилучшаго, излюбленнаго изъ табуна сѣдовласымъ дѣдомъ, горбо-

посаго дончука, лихо закидывалъ привычную ногу въ стремя и, напутствуемый теплыми родительскими увѣщаніями, летѣлъ на поля битвъ. Опять, слѣдовательно, кидалъ онъ отчій кровъ, свою семью: жену и дѣтей. Ему ужъ некогда было позаботиться о ней, и попечалиться о дѣтяхъ, будущей судьбѣ ихъ. Онѣ во время всей службы отца выростали на рукахъ неграмотной матери и если у ней не было природнаго стремленія къ ихъ воспитанію, онѣ коснѣли въ грубыхъ привычкахъ, хотя и поручала она ихъ какому нибудь дьячку, отставному солдату, учиться букварю, чтенію по верхамъ, въ большинствѣ одного псалтыря и выводить каракулями свое имѣ, фамиліе. Изъ такихъ, впослѣдствіи, выростали полуграмотные, называвшіеся, въ средѣ неученыхъ, грамотными. Вотъ вся школа, которую проходило выростающее юношество, въ свою очередь, становившееся въ ряды офицеровъ. Грамотность отъ дворянъ, если кто изъ нихъ желалъ быть произведеннымъ въ чинъ не за отличія, пожалуй становилась и тогда необходимостью. Но они должны были знать читать, писать, краткій катехизисъ и четыре правила ариѳметики. Отецъ же заботился о томъ, чтобы принести со службы сыну черкесское сѣдло, плеть, черкескую шашку, ружье, да..... привести черкескаго коня, выучить сына скакать и стрѣлять въ мишень. Этимъ завершался и курсъ домашняго военнаго образованія.

Не смотря на существенный недостатокъ въ умственномъ развитіи, многіе, благодаря личнымъ

боевымъ заслугамъ, легко дѣлались прославленными и заслуженными. Грамотность была почти излишнею. Грозная храбрость и безумная отвага тогда составляли доблесть и славу. Достопамятный герой Кавказа генералъ Яковъ Петровичъ Баклановъ учился грамотѣ у одной старухи въ городѣ Новочеркаскѣ, у ней и окончилъ курсъ недальней азбучной мудрости. Но онъ былъ военная знаменитость, честь и гордость нашего тихаго Дона. Въ немъ, по тогдашнему горячему времени, олицетворялся вполнѣ казачій духъ— отважный, смѣлый, бурный, смѣтливый, находчивый, живой и милосердный. Весьма и весьма довольно было въ то время этихъ достоинствъ, что-бы и простому казаку неучу сдѣлаться офицеромъ. Онѣ дорого цѣнились, онѣ и первенствовали. А казакамъ не столько дорога была жизнь, сколь дорога слава героя. Вотъ почему въ то время и было много безграмотныхъ офицеровъ. Но счастливъ былъ во всѣхъ видахъ для нашихъ казаковъ славнаго Дона тотъ патріархальный, воинственный бытъ.

Съ окончаніемъ Кавказской войны и Севастопольской кампаніи начинается долгій миръ для Россіи, а въ жизни казаковъ новый періодъ, періодъ преобразованій и развитіе гражданственности. Издаются новые уставы казачей службы и отъ желающихъ быть офицерами требуютъ обязательнаго экзамена по большей программѣ, а въ послѣдніе дѣсять лѣтъ и обязательное окончаніе курса въ юнкерскихъ и военныхъ училищахъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Среди этого возникаетъ

научно образовательная система, казачья общая воинская повинность 1875 года, годъ, который своимъ положеніемъ легъ крайнимъ предѣломъ, отдѣлившимъ прежняго офицера отъ новѣйшаго.

Титулъ дворянства теряетъ значеніе и на первый планъ выступаютъ права образованія. Только образованіе умственное и научное, въ военномъ смыслѣ, теперь могутъ дать званіе военнаго офицера и, въ исключительномъ случаѣ, особенныя военныя отличія. Офицеръ поднимается въ то лучшее достоинство, какимъ онъ истинно долженъ быть по своей пользѣ въ рядахъ арміи, пожалуй въ семьѣ, но не въ общежитіи.

Рѣзкій предѣлъ современнымъ офицерамъ кладетъ и 1870 годъ. До этой поры казачьи офицеры, соответственно чинамъ, награждались земельными участками, потомъ отданными имъ, какъ матеріальное обезпеченіе, въ потомственную собственность. Для современныхъ офицеровъ это обезпеченіе замѣнено полугодовымъ жалованьемъ на льготѣ.

Такъ выходомъ въ военные офицеры въ настоящее время является два пути: черезъ права по образованію съ испытаніемъ, по выслугѣ обязательныхъ сроковъ въ строю, изъ военныхъ предметовъ и при посредствѣ юнкерскихъ и другихъ спеціально военныхъ заведеній.

Къ стати оговориться. Мы, собственно, желаемъ обратить вниманіе на большинство лицъ офицерскаго званія—армейцевъ, какъ людей посредственнаго и бѣднаго состоянія, стремящихся уста-

новить лучшее положеніе черезъ это званіе и вообще тѣхъ, какіе дѣлать туже судьбу. Оставимъ въ покоѣ: военныя академіи, артиллерійскія училища и другія школы въ этомъ родѣ; минемъ о вольноопредѣляющихся перваго и втораго разрядовъ, такъ какъ эти, почти безъ исключенія, по отбывкѣ воинской повинности, уходятъ въ свои спеціальныя карьеры и разсмотримъ, именно, образующихся путемъ юнкерской подготовки и исключительно дающихъ самый большій контингентъ для армейскихъ полковъ.

Права и средства къ поступленію въ юнкерское училище.

II.

Юноши казачьяго званія, привлекаемые положеніемъ 1875 года для отбытія воинской повинности рядовымъ, имѣютъ законное право стать въ ы и офицерами. Права эти одинаково распространены на всѣхъ казаковъ, какого-бы они происхожденія не были.

По убѣжденію, закону, отчету передъ совѣстью, каждый отецъ, имѣющій сына, избираетъ для него путь. Или опредѣляетъ въ гимназію, или другое заведеніе и если онъ тамъ не ласково принятъ или вовсе не удостоился проходить тамъ наукъ, отецъ все же не оставляетъ дѣла такъ; неугомон-

но ищетъ новыхъ мѣръ научить своего дитя грамотности и вывести его на мягкую стезю. „Время не такое, нельзя не учить; мужикъ похвастаетъ умомъ противъ моего сына", трактуютъ отцы—чиновники, помѣщики, зажиточные изъ казаковъ, желающіе дать шагъ сыну. „Урядникомъ не будетъ, когда не выучится читать, писать и ариѳметикѣ", говорятъ часто послѣдніе. Въ службѣ и въ общественномъ казачьемъ быту въ глазахъ казаковъ и урядникъ имѣетъ уже вѣсъ. Молодой урядникъ изъ казаковъ гордится этимъ званіемъ, его отецъ съ радости, что сынъ урядникъ, устраиваетъ пьяный пиръ, а сосѣди съ завистью и удивленіемъ поглядываютъ на него: „глядико, глядико, у Евсѣя воротникъ обмазанъ молокомъ (обшитъ галуномъ), какъ же это ему Богъ привелъ"!

Если такъ замапчивъ въ средѣ казачества урядникъ, то что-же офицеръ. И теперь, при общеправномъ доступѣ, зажиточные отцы-казаки также стремятся выводить своихъ сыновъ въ званіе офицера. Подъ веселую руку старикъ отецъ непремѣнно болтнетъ—„ты будешь у меня свѣтлыя пуговицы носить, офицеромъ будешь, положу послѣднія деньги".

Если замѣчаемъ такое рвеніе у простыхъ казаковъ, то какъ-же отцу—чиновнику, помѣщику, дворянину отстать и не позаботиться о сынѣ, а вдовы матери первно содрагаются, боясь, что сынъ будетъ олухъ. Эти чувствительнѣй и ближе принимаютъ къ сердцу судьбу дѣтей.

Поэтому каждый отецъ, преимущественно дворянскаго или помѣщичьяго рода, каждая подобная мать вдова употребляютъ всѣ усилія, тратятъ послѣднія средства, переваливая иногда на свою долю великую нужду и все изъ за того только, что бы очистить дорогу сыну, хотя въ офицеры, въ благородіе, если онъ не возвеличенъ наукой, потому при общеобязательной казачей воинской повинности, офицеру и дольше и легче служить, и больше содержанія, и платье у него цвѣтнѣе.

При этомъ надо замѣтить, что съ хорошими средствами отцовъ, матерей и воспитателей въ наше время мало. Какая-то черная плень повыгрызла все прежнее богатство Дона. Донъ, о которомъ когда-то всѣ грезили, какъ о золотоносномъ рудникѣ, теперь обѣднялъ и очень далекъ отъ богатаго. Все его богатство теперь въ рукахъ не казаковъ— промышленниковъ. Неурожайные годы около двадцати лѣтъ сряду подломили хозяйства, главную опору Донцовъ. Оно упало, обездолилось. Капиталы повытряслись въ неудачныхъ операціяхъ. Земли помѣщичьи, потомственныя офицерскія попли въ залоги по частнымъ рукамъ, въ перезалоги по банкамъ, да тамъ одинъ за другими и проваливаются. Трудное время. Жизнь чрезвычайно стѣснена. Не смотря однако на свои недостатки, отцы для дѣтей вытягиваются въ нитку, хотя сами крайничаютъ, утѣшая себя тѣмъ, что выдя въ офицеры, ихъ сынъ найдетъ себѣ и кусокъ пропитанія, а не то что „воламъ хвосты мять". И Юнкерское училище прямая дорога. Тогда ужъ онъ отрѣзан-

ный ломоть и если не будетъ помогать имъ, то покрайнѣй мѣрѣ не потянетъ и съ нихъ. Гора съ плечъ, думаютъ отцы. Для сына сколочено, призанято или продано изъ имущества рублей на двѣсти, триста, иногда болѣе, подготовили, обмундировали и у почтеннаго отца на глазахъ слёзы радости при видѣ сына юнкеромъ. Слава Богу, въ училищѣ. „Теперь отъ тебя зависитъ быть человѣкомъ. Ты видѣлъ недостатки отца и матери. Старайся для себя". Настаетъ новая жизнь для юноши, пресыщенная заботами учиться, пройти курсъ училища. Дальше самъ свѣтъ глянетъ привѣтно въ очи.....

Цѣль училища и юнкеровъ.

III.

Юнкерскія училища, какъ разсадники, подготовляя молодыхъ людей въ офицеры, лелѣятъ своихъ питомцевъ въ условіяхъ гигіены, обучаютъ строю, сообщаютъ теоретическія военныя познанія, внимательно слѣдя за каждымъ шагомъ ихъ и вселяя понятія, какими офицеръ долженъ обладать, разлучась со школой. Короткость времени преподаванія по довольно широкой программѣ юнкерскія училища дополняютъ настойчивымъ усиліемъ, необходимымъ для того, что бы выработать изъ мо-

лодаго поколѣнія свѣдущихъ и дѣльныхъ руководителей нижнихъ чиновъ. И къ молодымъ людямъ, ихъ воспріимчивымъ натурамъ невольно прививаются тѣ полезные корни, какіе впѣдряютъ въ нихъ, какъ почву, военныя науки и дисциплина. Такъ, благодаря неувядаемымъ стараніямъ преподавателей, училища выпускаютъ много прекрасныхъ, но только строевыхъ офицеровъ съ душою благородной и не испорченными правилами. Но здѣсь, юноши, удаленные отъ дома, домашнихъ занятій, семейной нужды, своею цѣлію ставятъ—достичь желаемаго званія и службы, какъ обезпеченія. Прилагается не мало усилій, не мало и труда.

Права при выходѣ изъ училища.

IV.

Молодые люди окапчиваютъ курсъ училища подхорунжими (портупей-юнкерами) и тотчасъ командируются въ полки. Выходъ изъ училища даетъ имъ два права—производство въ хорунжіи (первый чинъ) и полученіе ста пятидесяти рублей отъ войска на обмундированіе, по производствѣ.

Радехонекъ отецъ: сынъ офицеръ, на своихъ ногахъ, человѣкъ самостоятельный. Но сыну теперь еще разъ нужна помощь—купить лошадь, сбрую и аммуницію. Родители не щадятъ себя и

тратятъ еще сотни три рублей. Послѣдній разъ. Какъ и не помочь—ему надо яспыя крылушки, опериться, потому 150 руб. на офицерское обзаведеніе совсѣмъ недостаточно. Это только пособіе. На эти деньги онъ можетъ пріобрѣсти лошадь на какой не стыдно быть въ строю, болѣе или менѣе сносную. Прочее вновь произведенный хорунжій справляетъ изъ собственности.

И такъ, не всѣми правдами, лоза вырощена и отщеплена. „Теперь служи, заслуживай чести, добывай кусокъ хлѣба самъ, отъ насъ не требуй. Обстоятельства плохія, хоть бы самимъ прожить съ горемъ пополамъ", говорятъ отцы и матери сыну офицеру. И правы. Неужели и тогда, когда ему все предоставлено для самостоятельности, свободныхъ дѣйствій, онъ будетъ висѣть на ихъ шеѣ. Надо и имъ поотдохнуть послѣ пережитыхъ заботъ о немъ, хотя они и не всегда такъ счастливы. У нихъ еще есть меньшія дѣти. Хлопоты о нихъ повторяютъ испытанное, а въ сущности гнетъ скорби не покидаетъ ихъ и относительно судьбы выведеннаго въ офицеры сына.

Служба въ полку.

V.

Молодой офицеръ вступаетъ въ полкъ съ отличными задатками нравственности, извѣстнымъ ко-

личествомъ познаній, съ извѣстною степенью гордости. Онъ болѣе строго относится къ своимъ дѣйствіямъ, солидепъ, обязанности отправляетъ съ подобострастіемъ и юношескою боязнью. Живъ, энергиченъ. Его пылкая натура жаждетъ расширенія качествъ и поднятія ихъ на высшій уровень. Понятно, все что передала ему школа— ни болѣе не менѣе, какъ элементарные уроки, нуждающіеся для укрѣпленія въ дальнѣйшемъ развитіи. Онъ съ полнымъ рвеніемъ ищетъ пріятныхъ соковъ и полкъ, если не удовлетворяетъ всѣмъ его благороднымъ стремленіямъ, то все-же разстилаетъ передъ нимъ довольно просторный свѣтлый горизонтъ, гдѣ плавно витаетъ его чистая душа и гибкій умъ.

Служба—кругъ его дѣятельности, а подвижная жизнь, веселое товарищество, иныя мѣста, иные люди—поблажаютъ его увлеченіямъ. Тутъ все кажется ему въ роскошномъ цвѣтѣ. На досугѣ—онъ беззаботенъ; удобства и не выгоды кажутся однимъ мигомъ. Легко дышетъ онъ среди заманчивой новизны, живетъ..... не думаетъ о грядущемъ, не думаетъ онъ о той горечи, какою можетъ переполниться его будущее. Этотъ первый дебютъ его въ полку отмѣчается болѣе хорошимъ. Обойдемъ его подробностями, такъ какъ въ немъ не выражается настоящей дѣйствительности. Скажу только, что это ужъ не тѣ офицеры, которыхъ мы видѣли въ описанную эпоху. Они не садятся за столъ съ казаками, не дѣлятъ съ ними пьяной чары, не измѣняютъ офицерской чести. Они выдерживаютъ себя въ приличной обстановкѣ.

Черезъ три, четыре года возвращаются на льготу. Прибавлю, что за это время офицеры ничего не наживаютъ, да и не могутъ: содержаніе ихъ ограничено. Изъ молодыхъ офицеровъ навряд-ли найдутся такіе, которые бы жили такъ расчетливо, что бы имъ доставало на жизнь ихъ содержанія и еще отложить хотя маленькое сбереженіе. Въ общемъ это не мыслимо; въ частности—удивительное исключеніе.

На льготѣ.

VI.

На льготу наши офицеры выѣзжаютъ не потому, что имъ надоѣла служба, они пожалуй только втянулись въ нее, а таково наше казачье положеніе; казаковъ и офицеровъ у насъ смѣняютъ періодически. Каждый офицеръ готовъ—бы съ радостью послужить еще, но очередь другихъ выталкиваетъ его и онъ ѣдетъ какъ-бы на отдыхъ, короче доложить на легкіе хлѣбы. Куда-же. Конечно въ тотъ-же отцовскій домъ, изъ котораго онъ выпровоженъ съ великими надеждами, или, если у него ихъ пѣтъ, то.....

Сынокъ предваряетъ— „пріѣду гостить, на льготу смѣняюсь". Родители въ восторгѣ: „сынокъ офицеръ пріѣдетъ, авось поможетъ намъ те-

перь, что нибудь принесетъ"; утѣшаютъ они себя. У сына—же въ головѣ совсѣмъ другая дума: „какъ нибудь проживу у отца до новой очереди". Такъ два скрытыхъ теченія мыслей, какъ двѣ противоположныя волны, тихо льются одна противъ другой. И онъ является или съ вывернутыми карманами, или рубля три небрежно свернуты въ его кошелькѣ. Въ ложномъ обольщеніи домашніе хлопочутъ принять его какъ получше—столько лѣтъ не видались. Не тревожатъ и не намекаютъ о своихъ недостаткахъ. Увидитъ горькія обстоятельства, самъ поможетъ. Время идетъ. Бѣдняжки родители, тратясь отчасти съ излишкомъ, покрехтываютъ. „Что-же, Коля дастъ намъ денегъ или нѣтъ", шепчетъ супругѣ мужъ. „Пускай минутку опомнится еще, отдохнетъ послѣ службы", отстаиваетъ вселюбящая мать. Расходы жмутъ. Прочь церемонія. Деликатно спрашиваютъ: „Коля, у насъ повышли деньги, ты намъ ссудишь"?—Ей Богу три рубля. Возьмите послѣдніе. „Коля, какъ-же будемъ жить? У тебя нѣтъ, у насъ тоже".—Я надѣялся на васъ. Получу льготное, отдамъ. И вотъ онѣ мечты родителей и мечты сына налицо! Тѣ охаютъ. Сынъ дѣлается пасмурнымъ. Ему совѣстно. Онъ человѣкъ труда и дѣла, а волей не волей пріѣхалъ на оплаканные хлѣбы отца и матери. Между ними зажиточныхъ въ короткій счетъ, изъ дворянъ преимущественно. Простые казаки живутъ, по своему образу жизни, богаче, какъ рабочій классъ. Прежде и офицеры не такъ стѣснялись. Они были такіе-же работники, какъ и каза-

ки, если не имѣли обезпечивающаго ихъ состоянія. Офицеръ не стыдился брать косу и грабли на полевыхъ работахъ—онъ былъ привыченъ. Старики офицеры, проживающіе въ станицахъ и теперь не уступятъ любому казаку; но ужъ изъ новичковъ нѣтъ таковыхъ. Они въ этомъ отстали, они къ этому не пріучены, не приспособлены. Съ семи, осьми лѣтъ его отдали въ ученье. Шло оно благополучно или нѣтъ, положимъ лѣтъ девятнадцати поступилъ онъ въ юнкерское училище. Три года здѣсь, потомъ года четыре въ полку, а принимая во вниманіе и все дѣтство, употребленное на обученіе грамотности, и того въ сложности, покрайнѣй мѣрѣ, годовъ десять и болѣе они положительно внѣ сельскихъ и промышленныхъ занятій. Отвыкаетъ отъ физическаго труда, хозяйства и предпріимчивости. Хозяйство было бы ему сподручнѣй, какъ ремесло его отца, дѣда и у нихъ, что нибудь да есть, но онъ не умѣетъ какъ приложить рукъ. Онъ ужъ не помощникъ. За другое что онъ взяться не можетъ, потому всякое дѣло, каково бы оно нибыло, требуетъ навыка, опытности. А онъ ни къ чему не подготовленъ. Мы видѣли офицеровъ кои хватались за предпріятія, но по своему неумѣнью губили время и капиталъ. Могутъ—ли новые офицеры на льготѣ заниматься хозяйствомъ? Затруднительно. Его связываетъ преимущественное обязательство передъ войскомъ быть во всегдашней готовности къ службѣ, на которую его могутъ вызывать когда угодно, а это можетъ случиться въ разгарѣ его операцій. Тогда все кидай

на произволъ. Прощай все добро. Къ тому—какія теперь наши хозяйства? Наши офицеры живутъ въ станичныхъ юртахъ и пользуются раздѣльными паями въ среднемъ количествѣ по всей области въ 15 десятинъ. На подобномъ кусочкѣ земли скромнѣе полеваго хозяйства нельзя и представить. Лично самъ онъ обработать ихъ не въ силахъ. Наймомъ—не выгодно: не вернешъ и расхода. Расширить нѣтъ средствъ. Слѣдовательно, нѣтъ того раздолья какимъ они пользовались не столь давно. Другія предпріятія у насъ: угольная промышленность, скотоводство, винодѣліе, ему также не подстать—онѣ болѣе широкихъ началъ и иниціатируются капиталомъ. А откуда онѣ у офицера?... Вотъ по этому, живя на льготѣ, офицеръ ищетъ труда опять въ службѣ. Но мѣстъ для нихъ внутри войска наперечетъ. На частной не долюбливаютъ: „вы, ваше благородіе, вами повелевать нельзя". Но что офицеры готовы броситься на первый попавшійся трудъ лишь бы прихватить рублей десятокъ въ мѣсяцъ, въ томъ убѣждаетъ насъ то, что въ городѣ Новочеркаскѣ заверните въ любое присутственное мѣсто и навѣрняка увидите въ качествѣ писарей двухъ, трехъ офицеровъ. И эти дешевые заработки, убивающіе безплодно здоровье, добываются лишь по протекціи: много искателей. Въ станицахъ и того нѣтъ. А попасть на коронную—заручайся крѣпкою и мощною рекомендаціей; да войско и не въ средствахъ обогрѣть нуждающихся въ томъ—они всѣ льготные, кромѣ гражданскихъ чиновниковъ.

Послѣ долгихъ попытокъ достигнуть чего—либо полезнаго, офицеръ падаетъ духомъ, хорошее настроеніе вянетъ, дѣлается апатичнымъ и вотъ эта добрая горделивая сила рушится, глохнетъ на 12 рубляхъ отъ войска (въ мѣсяцъ). Офицеръ и обнащивается и обленивается. Мы ихъ не рѣдко встрѣчаемъ весьма и весьма жалкими при ихъ прекрасныхъ репутаціяхъ. Обидно и то, что у насъ въ обществѣ слагается какое-то навязчивое мнѣніе, вызывающее, если не упреки, то усмѣшки на недостатки и бѣдность ихъ. „Ну ужъ офицеръ, прощелыга какой-то", сказали весьма порядочные люди вслѣдъ офицеру, прошедшему въ порыжеломъ припошеномъ пальто и искрывленыхъ сапогахъ.— А онъ достойнѣйшій, дай Богъ побольше таковыхъ для арміи. Подобный незаслуженный взглядъ терпится иногда и отъ начальства. И хорошій, отличный офицеръ, на близорукій щепетильный глазъ становится дурнымъ.

Такъ офицеръ живетъ и живетъ на обезпеченіи родителей, семья которыхъ перебивается то какою нибудь получкою, положимъ остатковъ аренды съ земли, находящейся въ залогѣ, куда идетъ большая часть дохода, то въ долгъ.

Глянулъ тусклый свѣтъ для легкохлѣбника.... получилъ третное—пятьдесятъ два рубля. (*) Но онъ на нихъ и не насмотрѣлся вдоволь. Разорвали и растянули по кусочкамъ: то за сахаръ, чай, то за мясо, то за хлѣбъ и прочіе заборы въ лав-

(*) Льготное жалованье выдается по третямъ.

кахъ. Хорошо если у получателя останется на табакъ. Въ будущую треть—четыре мѣсяца, опять таже горемычная исторія. Сидитъ офицеръ дома, ершится, какъ мышь на дождь.... Благо если есть что прочитать! а въ глухихъ станицахъ онъ забываетъ и про книги. Тамъ нѣтъ ихъ. Развѣ у приходскаго попа выпроситъ житіе, проповѣди..... Образовательнаго по спеціальности—ничего. Время убиваетъ или за рыбной ловлей, охотой, въ пустой прогулкѣ. Тамъ и въ какомъ нибудь костюмѣ проходитъ; въ окружныхъ станицахъ ему хуже. Тутъ ужъ, особенно въ городѣ, стыдно показаться въ неопрятномъ платьѣ. Такіе день маятся въ конурѣ, а ночью вылазятъ подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ ночные мотыльки, прячась по закоулкамъ. Но этихъ мало кто видитъ. Мы видимъ только одѣтыхъ, спующихъ на тротуарахъ..... О тѣхъ никому не въ домекъ, а загляните по подробнѣй и на послѣднихъ—на нихъ блеститъ и блеститъ мишурное покрывало.... Не смотрите подъ подкладку!... тамъ свищетъ вѣтерокъ; не тряхните за воротникъ.... все слетитъ, какъ цвѣтная пыль съ крыльевъ бабочки.

При взглядѣ на подобныхъ сыновей у родителей щемитъ сердце. Своя семья, да къ ихъ горю, какъ нарочно, принесло и много обѣщавшаго сына—офицера.

Въ достаточныхъ семьяхъ получка офицеромъ льготныхъ денегъ большая подмога, покрайнѣй мѣрѣ на его личныя нужды.

Въ лагерный сборъ.

VII.

Вотъ и весенній лагерный сборъ. Застоналъ, заохалъ нашъ офицеръ. „Какъ-же я въ лагерь—то, съ чѣмъ и на чемъ. Ни коня, ни денегъ". Вдумывается онъ, глядя безпокойнымъ взоромъ въ воскресную безвыходность. Ломаетъ голову..... ничто не помогаетъ. Просить начальство увелить отъ сбора, такъ, чего добраго, отчислятъ по войску. „Нѣтъ ужъ, какъ нибудь соберусь." Бѣгаетъ, ищетъ станичника. „Возьми, братъ, пожалуста, свези до лагеря, выручи". Казакъ добрый человѣкъ сжалится къ прозьбѣ. Напекли сухарей, пшена въ сумочку, сала кусокъ и пѣшій офицеръ готовъ. Отчасти онъ самъ радъ, что хоть на мѣсяцъ улетитъ отъ вздоховъ угрюмой семьи.

На первый взглядъ покажется, что офицеры должны бы избѣгать попрошайничанья. Имъ высылаются для проѣзда по желѣзной дорогѣ безплатные бланки предложенія отъ ближайшей станціи къ мѣсту-жительства до ближайшей къ расположенію весеннаго лагеря. Но бланками рѣдко кто пользуется, потому что приходится нанимать подводу или до станціи отъ дома, а отъ станціи до лагеря непременно; на обратномъ пути также. Ни одинъ лагерь не располагается возлѣ самыхъ станцій. Кромѣ того офицеры одного округа зачастую

командируются въ другой. Этимъ въ особенности плохо при недостаткѣ въ деньгахъ и офицеръ невольно тратитъ свои деньги на передвиженія по службѣ, а предложенія остаются въ хламѣ бумагъ. И офицеру, по приведеннымъ причинамъ, всегда удобнѣе ѣхать прямо въ лагерь подводой и исключительно при томъ, когда онъ беретъ съ собою коня. Перевозка послѣдняго по желѣзной дорогѣ еще затруднительнѣе; прислуги не дается. Офицеру самому надо ѣхать съ конемъ въ одномъ вагонѣ. Нельзяже оставить животное на произволъ. Но это немножко не сообразно съ положеніемъ военнаго офицера. На службѣ ему полагается деньщикъ, по чему здѣсь нѣтъ?.. Лошадь для ученій въ большинствѣ напимается въ лагерныхъ пунктахъ у казаковъ или просто пользуются казачьими.

Во время весенняго лагернаго сбора офицеру отпускаются суточныя—45 к. Между прочимъ въ лагерѣ продукты покупаются дороже у поселянъ, а тѣмъ паче у маркитантовъ. Если офицеръ захватилъ рублей пять, десять, т. е. если они были и онъ взялъ послѣдніе изъ дома, то это ему только на дорогу. Дома семья въ нуждѣ, а онъ въ лагерѣ ѣстъ кашу, сухари съ водой или покупаетъ въ долгъ въ гостинницѣ, а расчетъ разрѣшается непріятностями. Суточными лагернаго расхода не покроешь. Что вы сдѣлаете на 45 коп. въ сутки? А за лошадь—то надо заплатить? Войско обязываетъ на льготѣ имѣть и выѣзжать на своемъ конѣ. Но на какія-же средства офицеръ будетъ его содержать. На свое полугодовое жалованье? Такъ

его не хватаетъ и на его собственную жизнь. А для лошади необходимъ кормъ, человѣкъ для присмотра, хотя въ зиму, если предположимъ, что лошадь лѣтомъ можетъ пастись въ станичномъ табунѣ. Не красиво же самому офицеру обратиться въ конюха. Допустимъ, что уходъ за животнымъ не безчестное занятіе, а то—же трудъ, но на кормъ то надо денегъ. Пожалуй на это замѣтятъ: отчего не накосить сѣна въ юртѣ? Опять нужны деньги,—самъ офицеръ не способенъ къ работѣ, безъ привычки. И съ какой бы стороны мы не смотрѣли на этотъ вопросъ, на практикѣ видимъ, что офицеру не возможно содержать строеваго копя. Безъ сомнѣнія, каждый почти офицеръ на хуторѣ имѣетъ водовозку, но не ѣхать же ему на ней въ лагерь на ученье. Весенній 1881 года лагерный сборъ въ хут. Сетроковомъ болѣе всего убѣдилъ въ сказанномъ. Изъ цѣлой дивизіи на каждый полкъ едва было по одному, по два офицера на своихъ коняхъ и тѣ на упряжныхъ. Свободное время отъ занятій пѣшіе офицеры проводятъ подъ колесами повозокъ вмѣстѣ съ станичниками, (палатокъ не полагается) за одной чашкой сухарей съ водою или каши. (*) Какая можетъ быть поддержана дисциплина, когда офицеръ ставится въ сообщество и такую мелочную зависимость отъ казака. Обмундированіе офицеровъ было очень бѣдно.

(*) Имѣющіе личныя средства къ существованію располагаются на квартирахъ, получая маленькія квартирныя деньги.

Лагерныя занятія.

VIII.

Весенніе лагерные сборы назначаются для малолѣтковъ, казаковъ второй очереди, должныхъ быть въ готовности на случай призыва на дѣйствительную службу и для льготныхъ офицеровъ. (*) Лагерные сборы имѣютъ цѣлію поддержку знаній строеваго устава, напоминаніе о воинской дисциплинѣ, объ отношеніяхъ между офицерами и нижними чинами, повтореніе практической стрѣльбы, испытаніе казачей удали въ скачкахъ, словомъ напомнить все, что требуетъ отъ военнаго человѣка правила военнаго искуства и обязанностей. Офицеры, состоя на льготѣ, претупляются въ знаніяхъ. Зная, что они вытребываются на ученье только весною, при общей отсталости, не заглядываютъ и въ уставы. Спросите любаго командира льготнаго полка, ни одинъ не скажетъ похвальнаго въ этомъ родѣ. Удивительно! офицеры года два назадъ знавшіе отлично свое дѣло, въ лагерномъ сборѣ обнаруживаютъ почти невѣдѣніе. На полковыхъ ученьяхъ бывала такая сумятитца, по которой можно было легко предполагать, что учатся люди не въ строю образованные, а какая-то орда. Мы это можемъ объяснить однимъ: офицеры при безотрадности и апатіи къ своему положенію, отвращаются и отъ своихъ прямыхъ обязанностей. По поводу

(*) Въ Маѣ на три недѣли.

отчетовъ за лагерный сборъ отъ офицеровъ приходилось слышать курьезные отзывы. „Нашейся, лякъ подъ колесо повозки въ день роспуска, вотъ и отсчитаешся". Какъ это ни страшно, а было. Офицеры теряютъ не только нравственное отношеніе къ прямому долгу, но у нихъ даже является безстрашіе къ дисциплинарной и законной отвѣтственности. Доля горька, значитъ тѣмъ и быть ей.— Въ такой постановкѣ лагерные сборы не приносятъ никакой существенной пользы и въ учебномъ отношеніи. Что значатъ три недѣли сбора, въ которыя продѣлаются двадцать ученій!

Окончаніе льготнаго срока и выходъ на службу.

IX.

Истекаетъ льгота, расплываются хмары.... многопатерпѣвшемуся офицеру служба. За полтора, за два мѣсяца до выступленія его нарядили въ полкъ. Повеселѣлъ.... Тамъ онъ будетъ получать больше содержанія, лучше будетъ жить. Хлопочетъ поблаговидпѣе состроить обмундированіе, обзавестись хорошимъ конемъ. Не сложная задача, но выполненіе шаткое.

Какія у офицера на это средства? Ему отпускаютъ изъ войсковыхъ суммъ полугодовое жалованье, съ вычетомъ изъ полнаго оклада на слу-

якѣ, примемъ размѣръ по чину сотника, среднее изъ оберъ-офицерскихъ, въ 150 р.; да ко времени выхода получаетъ январьское третное 52 р.— что составитъ 202 руб. Ихъ онъ и затрачиваетъ. Первая покупка и первая въ службѣ вещь—конь. На него предположимъ отдѣлить 100 р., потому остальныхъ едва-ли хватитъ на исправку разныхъ другихъ принадлежностей. Но при дороговизнѣ и у насъ теперь лошадь во сто рублей удовлетворитъ лишь на половину требованіямъ отъ офицерской. Она будетъ незавидная и не рѣдко стушевывается передъ казачьими, такъ какъ нѣкоторые казаки, имѣя собственные маленькіе заводы или косяки, выѣзжаютъ на сборные пункты иногда на очень дорогихъ коняхъ. Это мы видѣли въ прошлогодней смѣшной командѣ, собиравшейся въ Каменской станицѣ. Не преувеличивая, у нѣкоторыхъ казаковъ Митякинской станицы были очень хорошіе строевые кони. Тоже видѣли и въ различныхъ полкахъ, бывшихъ въ дѣйствующей арміи. Офицеру самому по себѣ неловко, а тутъ и со стороны начальства большая гонка. Замѣчанія и выговоры такое впечатлѣніе производятъ! лучше сквозь землю провалиться, чѣмъ слушать ихъ. Не винимъ за то начальство, оно должно быть требовательно. Но развѣ офицеръ не готовъ добыть лихаго допчука, ради того, что-бы избѣжать упрековъ! Развѣ не составитъ его-же гордости скакать на искрометномъ горбоносѣ, чѣмъ переносить выговоры, съ завистью поглядывать на казачьихъ статныхъ коней и еще съ большею гру-

стью видѣть косые взгляды начальства. Для него это неизлечимыя больныя раны. Но что-же ему дѣлать при укороченныхъ средствахъ. Если онъ пожертвуетъ большую часть денегъ на парадира, выдетъ оборвышемъ; выдти въ хорошихъ мундирахъ—быть безъ копя. Вотъ онъ и обезпечиваетъ себя тѣмъ и другимъ посредственнымъ и то только только необходимѣйшимъ.

Въ полку.

X.

Какъ ни тягостно подъ вліяніемъ этихъ недостатковъ, офицеръ замѣтно окрыляется, ввиду облегченія средствъ въ полку. Надежда великое дѣло. Она укрѣпляетъ человѣка, живитъ его силы. Безъ ней осталось-бы одно—впасть въ отчаяніе. Но въ полку мечты его олицетворяются только до извѣстной степени. Послѣ апатичнаго настроенія духа, безплодія льготной жизни, онъ переходитъ въ сферу дѣятельности, прямо къ своему назначенію, труду. Съ этой стороны его жизнь полна. Всѣмъ существомъ, съ энергіей тонетъ онъ въ дѣлѣ призванія. Ему люба казачья служба.

Заглянемъ теперь въ другую половину полковой жизни—обезпеченіе. Офицеръ при выступленіи уже получилъ половину годоваго жалованья

(150 р.), исправился, т. е. потратился. Ему остается другая часть жалованья отъ казны и добавочныя порціонныя 96 руб., всего 252 р., или по 21 рублю въ мѣсяцъ на содержаніе. Изъ этихъ же денегъ, во всѣхъ полкахъ или нѣтъ, не знаемъ, вычитается по 3 рубля въ мѣсяцъ въ офицерскій капиталъ, одно изъ полезнѣйшихъ сбереженій; слѣдовательно всего—на—всего остается 18 рублей! (*) Квартирныя не беремъ въ расчетъ. Остатка отъ нихъ не бываетъ. Опѣ мизерны и сколько приходилось слышать отъ офицеровъ, бывшихъ въ различныхъ военныхъ округахъ—у семейныхъ не покрываютъ постойной платы. Не женатые выгадываютъ, нанимая квартиры въ товариществѣ. Содержаніемъ своимъ они также кое какъ обходятся въ компаніи; одиночнымъ тяжело, семейнымъ тѣмъ болѣ. Къ убѣжденію не будемъ вдаваться въ разъясненія. Предоставляемъ обсудить самому читателю, соображая приведенную цифру оклада съ мало мальски удовлетворительной раскладной на ежедневные продукты, если, конечно, не дать офицеру на столъ одну кашу, а полагая ввечеру и утромъ чай съ хлѣбомъ, на обѣдъ щи съ мясомъ, кусокъ жаренаго и не лакомыя, а необходимыя приправы. Мы думаемъ, что этой суммы только на насущное пропитаніе. Но каждый человѣкъ въ жизни, а тѣмъ болѣе даже мало воспитанный, имѣетъ, по привычкѣ съ дѣтства, нѣкоторыя склонности позволить себѣ и маленькую

(*) Въ настоящемъ 1882 г. (къ порціоннымъ) прибавлено по 7 руб. въ мѣсяцъ.

роскошь въ табакѣ, кофѣ, стаканѣ вина, рюмкѣ водки. Кромѣ насущныхъ продуктовъ ему надо и на починку сбруи, ковку лошади, на обмундированіе, обувь и другія мелочи. Какъ хотите малы до ничтожества его данные источники, именно при тѣхъ требованіяхъ, какимъ долженъ быть офицеръ. А офицеръ въ полку довольствуется опредѣленнымъ жалованьемъ. Темныхъ доходовъ нѣтъ. Въ блаженныя, памятныя времена, офицеры получали меньше, но пріобретали состоянія, путемъ какой нибудь неправды, пользованіемъ изъ казачей собственности. Какое же тогда было и безобразіе. Но такой взглядъ, т. е. если-бы офицеръ посягалъ въ нашъ гуманный вѣкъ на подобную доходность, унижало бы его и въ глазахъ начальства и въ глазахъ подчиненныхъ. Предосудительныя замашки эти со стороны офицеровъ должны быть избѣгаемы, какъ недостойныя званія офицера. Да современные молодые люди юнкерскимъ тактомъ настроены честно и незапятнанно въ отношеніи къ нижнимъ чинамъ и вообще къ какому нибудь недобросовѣстному пріобретенію.

Каждый офицеръ до извѣстной степени образованъ. Ему по этому нужна пища и для ума. Этотъ продуктъ хранится, впрочемъ, въ полковой библіотекѣ. Изъ ней онъ беретъ сочиненія отдѣльныхъ авторовъ, изданія въ книгахъ, но за современными событіями, новостями, изобрѣтеніями, усовершенствованіями, вообще за прогрессомъ и новыми проявленіями жизни, слѣдить не въ состояніи. Періодическія газеты онъ рѣдко имѣетъ въ ру-

кахъ, развѣ живетъ при полковомъ штабѣ. Самъ же не имѣетъ лишнихъ десяти рублей на выписываніе собственнаго журнала или ежедневной газеты, что-бы пополнять досугъ, живя гдѣ нибудь въ захолустьи, вдали отъ полка. (*)

Кромѣ этого въ полкахъ устраиваются вечера, гулянья, собранія, иногда обѣды, съ вычетомъ изъ жалованья по согласію участвующихъ офицеровъ. На это и не требуется много, но въ общей сложности крушительно для ихъ капиталовъ. Мы не противъ затѣй. Къ тому не бывать въ обществѣ, отчудиться отъ него, что будетъ и за офицеръ, какой нибудь грубаго нрава бурбонъ, погрязшій въ мелочи строя. Но это не современно и не по костямъ особенно молодыхъ офицеровъ. Ихъ душа просится на просторъ, легко поддается увлеченіямъ. О будущемъ они не думаютъ, живутъ настоящимъ и для своихъ общежитейскихъ нуждъ не только тратятъ все что въ карманѣ, но лезутъ и въ долги. Если эти по прихоти, то семейные изъ крайности. Но кредитъ везетъ до поры до времени. А тамъ и скажется крѣпкимъ ядомъ, изливаемымъ въ исковыхъ жалобахъ кредиторовъ—жидовъ. Ладь, какъ знаешь.

Съ концомъ перваго года вычеты прерываются. Теперь-бы матеріальное благосостояніе поднялось, но офицеру приходится удѣлять на справу—по обносился. Послѣдніе два, три года онъ живетъ вольготнѣе, окапировался. Но съ выходомъ

(*) Части полковъ разбрасываются на большія пространства, иногда верстъ на пятьдесятъ.

на льготу если заронитъ въ карманъ сотню, другую рублевыхъ депозитокъ, то и то благодаря дюжей скаредности. Мы почти не знаемъ ни одного изъ субалтернъ офицеровъ, что-бы онъ возвращаясь изъ полка, имѣлъ хотя и это количество денегъ на первое время. Мало мальски обезпеченными бываютъ занимающіе штабныя должности и сотенные командиры. И тѣ ретируются на льготу еле—еле тепленькими.

Но какъ не привлекательно, повидимому, въ полку, быть въ немъ все-же выгоднѣе, чѣмъ на льготѣ. Отчего неуспѣетъ офицеръ вернуться со службы, какъ опять обращается къ войсковому начальству съ прозьбою о зачисленіи въ полкъ. Сотни прошеній заваливаютъ столъ войсковаго штаба по наряду. Даже семейные съ тремя, четырьмя дѣтьми доискиваются скорѣйшаго назначенія въ полкъ. Къ этому, понятно, подвигаютъ ихъ недостатки льготы, ея пудливая жизнь.

Отчисленіе по войску.

XI.

Во время службы въ полку не безъ того, что между офицеромъ и командиромъ полка проскользнетъ, какъ говорится черная кошка. Стоитъ командиру полка сообщить даже конфиденціальнымъ

письмомъ войсковому начальству о неблагонадежности, какъ уже офицера по безотчетному праву исключаютъ изъ полка и даже отчисляютъ по войску. Это административное отчисленіе бываетъ не потому, что офицеръ никуда негодный, безнравственный, а просто изъ за одной какой нибудь размолвки съ командиромъ, по интригамъ и происканъ другихъ.

Отчисленные.

XII.

Отчисленные по войску включаются въ третью очередь, запасъ и могутъ быть привлечены на службу на время войны. Это первое чѣмъ характеризуется подобное положеніе офицера. Второе то, что онъ лишается льготнаго содержанія, этого маленькаго насущнаго куска. Между таковыми бываютъ и семейные, у которыхъ есть лишнія заботы не объ одномъ себѣ и женѣ, у нихъ есть теперь прямыя священныя обязанности—довести до дѣла дѣтей. Представьте—же его положеніе. Раннюю молодость провелъ онъ по призывамъ на службу, шныряя изъ юнкерскаго училища въ полкъ, изъ полка на льготу, со льготы опять въ полкъ, гдѣ ничего не пріобрѣлъ для обезпеченія семьи и по войску, на мель. Онъ и тогда прозя-

балъ, но онъ думалъ, что выдетъ на дорогу, сколотитъ деньжонокъ продолжительною службой или выслужитъ пенсію. И его выбросили теперь, какъ пловецъ выбрасывается волнами моря изъ челна на необитаемый островъ земнаго океана спасаться безъ спасенія. Все отнято, его мечты порваны и невознагражденныя силы потеряны! Онъ тяготится собою, тяготится семьей и сокрушается о будущемъ дѣтей. Жизнь его самая безотрадная. Куда ему броситься, какъ поправить свое горе, залотать неотвязчивую нужду. Исхода почти никакого. Собственныхъ средствъ нѣтъ; въ наемъ не принимаютъ, отвѣчая подозрительно: „вы—ваше благородіе, какъ распоряжаться вами", хотя офицеръ готовъ на все, какъ обыкновенный смертный. И горемыкѣ офицеру, отвергнутому, брошенному, на произволъ судьбы, ничѣмъ не залить его горя. И онъ одинъ является виновникомъ несчастія семьи. Лишь молитвы, да слезы матери, ея неусыпный домашній до безчувствія трудъ, иль злобы дня пополняютъ бѣдное жилище. Такъ для всей семьи нужда и горе, которыя начинаютъ рано знакомить съ ними и невинныхъ агнцевъ—дѣтей. Государству нуженъ и дорогъ каждый, такъ какъ оно сплачивается изъ этихъ единицъ, то тѣмъ дороже для государства цѣлая семья. Наше мнѣніе таково, что власти, коимъ ввѣрено законное право надъ судьбою офицеровъ, а вмѣстѣ и надъ ихъ семействами, должны обдуманно и съ осторожностью примѣнять строгость правилъ объ отчисленіи, впредь до улучшенія офицерскаго быта, уменьшая тѣмъ

пролетаріи въ лицѣ исключаемыхъ и ихъ семействъ. Мы не отвергаемъ случаевъ, когда надъ офицеромъ надо употребить это дисциплинарное наказаніе, но скорѣе будетъ пригодно личное исправленіе виновнаго, чѣмъ изгнаніе его, сопрягаемое съ лишеніемъ цѣлой семьи насущнаго куска для пропитанія.— Въ болѣе важныхъ обстоятельствахъ отвергнуть нельзя и того. Ничуть не легка судьба и не семейныхъ. Но одному меньше надо. Онъ скорѣе можетъ пріютиться.

Лица не надѣленныя участками и выходящія въ отставку до выслуги лѣтъ на пенсію по собственной волѣ, за болѣзнями, послѣ 1870 года, такіе же жертвы, какъ и отчисленные по войску.

XIII.

Мы живемъ еще въ то время, когда мысль о войнѣ для обезопасенія предѣловъ отечества далеко не утратилась, когда для мира гуманная дипломатія подъ полою держитъ тайно острый мечъ. Казаки одни изъ любящихъ милую Россію и приверженныхъ къ ея престолу, а въ войнѣ одни изъ полезнѣйшихъ по своимъ природнымъ качествамъ войскъ. Ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, военный духъ и офицеровъ поддерживается службою. Но изъ всего видно, какъ матеріальное обезпеченіе совре-

меннаго офицера низко. Незавидно въ службѣ, на льготѣ, нѣтъ ничего хуже въ отчисленіи по войску, равно и въ отставкѣ. Мало у него для одинокой жизни, еще меньше на содержаніе семьи, ничего нѣтъ на воспитаніе дѣтей, а самъ онъ, вслѣдствіе обстановки на постоянно перемѣнной службѣ, въ житейскомъ мирѣ мало къ чему пригоденъ. Нашъ настоящій контингентъ офицеровъ похожъ на зданіе, которое стоитъ на подгнивающемъ фундаментѣ матеріализьма и который до поры еще держится, по время отъ времени безъ поновы, постепенно разсыпаясь, потрясетъ и повредитъ самому зданію, тѣмъ болѣе, что жизненныя потребности годъ отъ году сильно дорожаютъ. Далѣе, со вступленіемъ новыхъ поколѣній на поприще военной службы и если онѣ будутъ дѣйствовать на такой-же рыхлой матеріальной почвѣ, реноме офицера понизится до..... При обязательной, а тѣмъ болѣе переменной отбывкѣ военной повинности, нашъ офицеръ отвѣтитъ безотлагательнымъ требованіямъ по своему званію только тогда, когда онъ будетъ матеріально обезпеченъ въ полку, на льготѣ; а такъ какъ на эту службу онъ употребитъ и лучшіе годы и свѣжія силы, то по этому долженъ быть вознагражденъ и въ отставкѣ, хоть пусть до глубокихъ сѣдинъ и на покоѣ продѣлываетъ военные артикулы. Обезпеченіе, ожидаемое періодическою смѣною нѣкоторыхъ военныхъ должностей внутри войска, прибавкою къ прежнему жалованью, конечно подниметъ благосостояніе до извѣстной степени и то во время службы, но ни на льготѣ

и не въ отставкѣ. Для того-же, что-бы служба исключительно, увлекая офицера въ военный міръ, не отнимала у него промышленной производительности, что-бы онъ не смотрѣлъ на службу, какъ единственное его обезпеченіе, но что бы офицеръ не кружилъ головы и не ломалъ рукъ, думая, что дѣлать, за что приняться, ему въ подмогу, изъ человѣколюбія, необходимо прививать съ молоду извѣстную самостоятельную культуру, за которую онъ могъ-бы браться, возвращаясь на льготу или выходя въ отставку, вообще при переходѣ изъ арміи въ гражданственность, такъ какъ сельскія занятія въ маломъ видѣ уже не такъ пригодны ему по его отсталости. Искоренится большое зло, разрушающія умъ—праздность и бездѣлье. Въ свою очередь офицеры могли бы быть и прекрасными подучивателями десятка нижнихъ чиновъ избранному роду занятій въ свободное время отъ строевыхъ ученій въ полку, особенно зимою. Войско должно способствовать, а родители быть первыми закладчиками промышленнаго труда въ дѣтяхъ.— Отцы преждѣ всего бросаются на грамотность и ведутъ ихъ одной этой дорогой, а для развлеченія дѣтей—на изъящное искуство, въ большинствѣ на шаловливую музыку. Они до сихъ поръ считаютъ неловкимъ въ свободное время знакомить дѣтей, совмѣстно съ грамотностію, съ сапожнымъ дѣломъ, портняжествомъ, колеснымъ мастерствомъ, литьемъ свѣчей, выдѣлываніемъ кожъ, приготовленіемъ щетокъ и т. п. Порабы откинуть обветшалую застенчивость, а идти впередъ и срѣзывать

гнусную рутину, заѣдающую человѣчество, его культуру.

Это-бы мы и предложили для измѣненія къ улутшенію быта нашего офицера въ будущемъ. Но на это нужно время, это можно начать пріурачивать къ новому поколенію. Что касается до настоящаго, то ввиду того, что нашъ офицеръ при требованіяхъ отъ него болѣе всего нуждается на льготѣ, трудно ему изъ ней подниматься на службу, то мы осмѣливаемся предложить дѣйствительную смѣну нѣкоторыхъ военныхъ должностей въ области (военныхъ приставовъ, смотрителей войсковыхъ степей и друг. под.), замѣщая ихъ льготными офицерами; кромѣ получаемаго содержанія, отпускать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передъ лагерными сборами покрайней мѣрѣ сто рублей въ фуражное довольствіе и на прислугу; эти же деньги оставлять незачетными при вызовѣ въ полкъ на дѣйствительную службу, отпуская и полугодовой окладъ жалованья отъ войска. Не дурно-бы увеличить штатъ офицеровъ въ полкахъ. Не должны быть обижены отчисленные по войску по малой винѣ или безвинно, тѣмъ болѣе выходящіе въ отставку по болѣзни. Этимъ завершимъ короткіе очерки въ полномъ пожеланіи всѣхъ благъ при устройствѣ къ улучшенію быта нашего вѣрою и правдою служащаго донскаго офицера.